

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841126-1140>

Исследовательская статья

Михаил Алексеевич Волхонский

к.и.н., доцент кафедры международных отношений и внешней политики России

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД России),

Москва, Россия

VolhonskyMA@yandex.ru

Ахмет Аминович Ярлыкапов

к.и.н., ведущий научный сотрудник

Центр евразийских исследований ИМИ

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД России),

Москва, Россия

itbal@mail.ru

ОБРАЗ ГАРЕГИНА НЖДЕ В АРМЯНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ: СИМВОЛИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ В г. АРМАВИР И г. КРАСНОДАР)

Аннотация. Данная статья посвящена анализу символических аспектов возникшего в г. Армавир между городскими властями и руководством армавирского отделения «Союза армян России» затяжного по времени конфликта (с 2012 по 2019 гг.) в связи с установкой возле армянского храма памятной доски в честь Гарегина Нжде, политического деятеля Первой Республики Армении, а также армянской диаспоры в 1920-е – 1940-е гг. Анализ конфликта с точки зрения концепции «символической политики» позволил выявить некоторые особенности политики памяти, проводимой армянской диаспорой в России. Конфликт был вызван разным восприятием образа Гарегина Нжде в российской и армянской культурной памяти. Для коллективной памяти российских армян Нжде в первую очередь является национальным героем, боровшимся в 1918–1921 гг. за создание независимого государства Армении. Для российской коллективной памяти Нжде является только политиком, сотрудничавшим в годы Второй мировой войны с руководством нацистской Германии. Как показало исследование, в ходе конфликта армянские и русские активисты применяли разного рода стратегии политики памяти («символическое стирание», «символический камуфляж» и «переформатирование» ранее созданного мемориального пространства). Проведенное исследование также позволило выявить некоторые структурные особенности коллективной, культурной, функциональной памяти российских армян. В частности, исследование показало, что коллективная память российских армян имеет характер амальгамы, сочетающей в себе не комплементарные друг другу элементы российской и армянской коллективной, культурной памяти.

Ключевые слова: Кавказ; Краснодарский край; Армавир; символическая политика; коллективная память; Гарегин Нжде; армянская диаспора

Для цитирования: Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А. Образ Гарегина Нжде в армянской и российской коллективной памяти: символический конфликт в городском пространстве (на материалах исследования в г. Армавир и г. Краснодар) // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 1126-1140 . doi: 10.32653/CH1841126-1140

© Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А., 2022

© Сефербеков М.Р., перевод, 2022

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841126-1140>

Research paper

Mikhail A. Volkhonsky,
Cand. Sci. (History), Assist. Prof. at Dep. of International Relations and Foreign Policy of Russia
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia
VolhonskyMA@yandex.ru

Akhmet A. Yarlykapov,
Cand. Sci. (History), Leading Researcher
Center for Euro-Asian Research of IMI
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia
itbal@mail.ru

THE IMAGE OF GAREGIN NZHDEH IN ARMENIAN AND RUSSIAN COLLECTIVE MEMORY: SYMBOLIC CONFLICT IN URBAN SPACE (BASED ON RESEARCH IN ARMAVIR AND KRASNODAR)

Abstract. The article analyzes the symbolic aspects of the conflict that occurred in Armavir between the city authorities and the leadership of Armavir branch of the Union of Armenians of Russia (from 2012 to 2019) regarding the installation of a memorial plaque near the Armenian church in honor of the political figure Garegin Nzhdeh. The analysis of the conflict from the perspective of the concept of “symbolic politics” allowed us to identify some specifics of the policy of commemoration carried out by the Armenian diaspora in Russia. The conflict was caused by the different perception of Garegin Nzhdeh’s image in the Russian and Armenian cultural memory. For the collective memory of the Russian Armenians Nzhdeh is primarily a national hero, who fought for the independence of Armenia. In the Russian collective memory Nzhdeh is only a politician, who collaborated with the Nazi Germany during the Second World War. As the study shows, during the conflict Armenian and Russian activists used different kinds of memory policy strategies (“symbolic erasure”, “symbolic camouflage” and “reformatting” of the previously created memorial space). The study also reveals some structural peculiarities of the collective, cultural and functional memory of Russian Armenians. In particular, the study demonstrates that the collective memory of Russian Armenians has the character of an amalgam, which combines divergent elements of Russian and Armenian collective, cultural memory.

Keywords: Caucasus; Krasnodar Krai; Armavir; symbolic politics; collective memory; Garegin Nzhdeh; Armenian Diaspora.

For citation: Volkhonsky M.A., Yarlykapov A.A. The image of Garegin Nzhdeh in Armenian and Russian collective memory: symbolic conflict in urban space (based on research in Armavir and Krasnodar). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 1126-1140. doi: 10.32653/CH1841126-1140

© Volkhonsky M.A., Yarlykapov A.A., 2022
© Seferbekov M.R., translation, 2022
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

Введение

13 ноября 2019 г. депутат городского законодательного собрания г. Армавир Краснодарского края Алексей Виноградов публично закрасил черной краской установленную в 2012 г. на территории храма Верапохумн Сурб Аствацацин (Успения Пресвятой Богородицы) Армянской Апостольской церкви мемориальную доску, посвященную Гарегину Нжде. Действия депутата стали апогеем развернувшейся с 2016 г. в публичном политическом пространстве Азербайджана, Армении и России дискуссий о том, можно ли рассматривать факты установки памятников Гарегину Нжде как свидетельство проведения официальным Ереваном, а также представителями армянской диаспоры в России, символической политики, направленной на героизацию нацистских преступников. Закраска памятной доски вызвала гневную реакцию со стороны армянской диаспоры и посольства Армении в России¹. В самой Армении 2 декабря 2019 г. активист армянской националистической партии «Цегакрон» Шаген Арутюнян облил в отместку красной краской памятник А.С. Грибоедову в Ереване. «Я окрасил в красный цвет памятник послу Российской империи, писателю Грибоедову в ответ на раскраску доски Нжде», – прокомментировал он свои действия в фейсбуке².

На первый взгляд, данный конфликт являлся типичным городским локальным конфликтом, подразумевающим последовательные публичные взаимодействия между городскими властями, активистами, застройщиками или другими заинтересованными лицами, целью которых является оспаривание планируемых или осуществленных физических или символических изменений в городском пространстве [1, с. 153]. Однако данный конфликт вызвал громкий общественный резонанс и получил широкое освещение в федеральных средствах массовой информации. В СМИ конфликт был представлен как один из эпизодов, развернувшихся в последние два десятилетия на постсоветском пространстве, войн исторической памяти.

Все это побудило авторов статьи внимательно проанализировать данный конфликт с точки зрения концепта «символическая политика». Данная статья посвящена анализу символических аспектов возникшего в г. Армавир между городскими властями, активистами русского населения и руководством армавирского отделения «Союза армян России» затяжного по времени конфликта (с 2012 по 2019 гг.) в связи с установкой памятной доски в честь армянского политического деятеля Гарегина Нжде.

Методология исследования

В исследовании использован концептуальный и понятийный аппарат, разработанный в работах О.Ю. Малиновой и др. российских и зарубежных исследователей, которые понимают под «символической политикой» «деятельность, связанную с производством определенных способов интерпретации реальности и борьбой за их доминирование» [2, с. 10].

При таком теоретическом понимании в границах поля символической политики можно увидеть множество игроков, изобретающих, продвигающих и защищающих многообразные интерпретации разных аспектов социальной реальности. Продвигаемые ими интерпретации могут с разной степенью интенсивности или конкурировать,

1. На Кубани депутат закрасил доску гитлеровскому пособнику Гарегину Нжде. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке: <https://regnum.ru/news/2777874.html?ysclid=l7ehfjvti9o266588o>

2. В Ереване национал-активист осквернил памятник Грибоедову из-за Нжде. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке: <https://eadaily.com/ru/news/2019/12/02/v-erevane-nacional-aktivist-oskvernil-pamyatnik-griboedovu-iz-za-nzhde>

или сопрягаться друг с другом. При этом игроки могут использовать разнообразный арсенал ресурсов и способов воздействия на социальную реальность. Это могут быть как классические вербально оформленные «идеи» (принципы, концепции, программы и т.д.), так и невербальные, образные, материальные, деятельностные способы означивания смыслов, – символические образы, графические и художественные изображения, объемные материальные объекты или же набор действий, имеющих преимущественное символическое значение и осуществляемых индивидом, социальной группой или даже государством [3, с. 30–35].

Чаще всего объектом символической политики становится прошлое, которое служит «строительным материалом» для конструирования разных интерпретаций социальной реальности (например, социальных идентичностей). В последнее десятилетие появилось множество исследований, посвященных различным теоретическим вопросам изучения практик использования прошлого в политических целях [4; 5; 6]. Несмотря на сохраняющееся разнообразие в понятийном аппарате, который используют исследователи, занимающиеся этими вопросами, все же можно говорить о сформировавшемся определенном консенсусе относительно таких основных понятий, как: «коллективная память», «культурная память», «политика памяти», «миф» и др.

Общепринятым для исследователей, изучающих «символическую политику», стало понимание того, что, проводя политику памяти, игроки работают с социальными представлениями о прошлом, но не в виде «истории» (систематической научной реконструкцией прошлого), а с так называемой «коллективной памятью», т.е. с социально разделяемым культурным знанием о прошлом, главными отличительными чертами которого является неполнота и избирательность [3, с. 30–35]. Основной функцией этой памяти в современном обществе является создание путем конструирования прошлого фундамента для коллективных идентичностей, социальных и политических субъектов. Сама память представляет собой набор исторических событий, фигур и символов, как правило объединенных в рамках определенного «мифа».

Отметим, что в современной политической публицистике широко распространено понимание «мифа» как сознательного искажения реальности, инструмента манипулирования сознанием людей. Однако с точки зрения современных общественных наук «миф» определяется как особое рода повествование или сообщение, содержащее совокупность представлений об окружающей действительности, ценностей и норм, обосновывающих приемлемые и неприемлемые модели поведения для членов определенной общности [7, с. 80]. Так, по определению Алейды Ассман, «мифы отделяют исторический опыт от конкретных условий его формирования, преобразуя его во вневременные повествования, которые передаются от поколения к поколению» [8, с. 38].

Таким образом, главной целью «политики памяти» является формирование и утверждение в коллективной памяти социума тех или иных представлений о совместном прошлом. Конструирование, а главное поддержание в актуализированном состоянии коллективной, культурной памяти достигается с помощью создания специальной культурной материальной инфраструктуры (статьи, книги, фильмы, графические и художественные образы, различного рода материальные памятники), проведения образовательной политики, а также принятия особых законодательных актов [3, с. 30–35; 4, с. 19].

Несмотря на обилие работ, посвященных теоретическим вопросам политики памяти, исследований реальных случаев её проведения, в частности, в городском пространстве до сих пор немного [9; 10; 11; 12; 13]. Тем не менее, уже полученный опыт

подобных исследований позволяет сделать вывод, что их проведение предполагает получение ответов на следующие вопросы: 1. Кто выступает в роли мнемотических игроков? 2. Что из прошлого и каким образом реконструируется? 3. Какова мотивация и какие цели преследуют игроки, предлагая свои реконструкции прошлого? 4. Какие ресурсы используют игроки; 5. Какую культурную инфраструктуру выстраивают игроки вокруг реконструируемого ими фрагмента прошлого; 6. Каким образом реагирует на политику памяти социальная среда, в том числе другие игроки? 7. Где проходят смысловые разломы между разными реконструкциями одного и того же фрагмента общего прошлого? 8. Каким образом разрешаются возникшие конфликты?

Основные выводы данной работы сделаны на основе анализа, во-первых, публикаций в СМИ, а во-вторых, материалов, полученных по итогам проведенных 10 глубинных интервью с активистами армянской общины и русского населения г. Армавира и г. Краснодара, непосредственно участвовавших или наблюдавших данный конфликт.

Образ Гарегина Нжде в армянской коллективной памяти

Ключевым мнемотическим игроком в конфликте выступила армянская община г. Армавира, которая является частью армянской диаспоры в России. Сам по себе факт возведения памятных знаков представителями армянской общины не удивителен, поскольку армянская диаспора вообще отличается большой активностью в сфере политики памяти на территории России, что проявляется в издании книг, выпуске фильмов, проведении коммеморативных мероприятий, установке разнообразных памятников. Понятно, что конфликт вызвала не сама по себе установка памятного знака, а его смысловое, символическое содержание. Поэтому ключевым для данного исследования является ответ на два следующих вопроса: Чем так важен Гарегин Нжде для коллективной, культурной памяти армянского народа? Почему в рамках российской культурной памяти его образ имеет негативную коннотацию?

Гарегин Нжде (Тер-Арутюнян) (1886–1955) родился в 1886 г. в селе Кзнут Нахичеванского уезда Эриванской губернии (в семье священника). Первоначальное образование получил в русской школе Нахичевани, а затем в Тифлисской гимназии. В 1902 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, однако через два года бросил учебу, чтобы с головой погрузиться в армянское национально-освободительное движение. В 1906 г. он переехал в Болгарию, где окончил Софийское офицерское училище. С этого времени появляется его революционное имя или псевдоним «Нжде» (что означает «скиталец» или «эмигрант»). В 1907 г. Нжде вступил в ряды партии Армянский Революционный Союз – Дашнакцутюн (АРД) и принял активное участие в Иранской революции. Вернувшись в Россию (вероятно, для закупки оружия и боеприпасов в Закавказье), в 1908 г. был арестован, осужден и приговорен к заключению, после чего три года провел в разных тюрьмах. В 1912 г. участвовал в Первой Балканской войне, приобретя военный опыт и общественную известность. Во время Первой мировой войны Нжде воевал на Кавказском фронте в составе армянских добровольческих частей русской армии и был награжден несколькими орденами. После развала фронта в 1918 гг. он стал одним из лидеров обороны Закавказья от наступающих турецких войск. В период существования Первой Армянской республики Нжде возглавлял силы самообороны в Сюнике, где участвовал последовательно в боях про-

тив азербайджанских, турецких войск, а затем против частей 11-й Красной армии. В середине 1921 г. он вынужден был уйти в Иран с остатками своего отряда, после чего эмигрировал в Болгарию [14, с. 3–10; 15, с. 238–239].

Переехав в США, он в 1933 г. создал ультранационалистическое движение «Цегакронутюн» (в перевод с армянского языка – «этновера» или «религия рода»). Филиалы организации были открыты во многих странах – Болгарии, Германии, Румынии, Греции, Франции. Во второй половине 1930-х гг. Нжде установил связи с руководством нацистской Германии, как он позднее объяснял, с целью убедить нацистов в арийском происхождении армян, чтобы предотвратить намечавшиеся против них репрессии [16, с. 120–121]. Он также надеялся привлечь нацистов к борьбе против Турции. В 1942 г. он вошел в состав созданного по инициативе нацистского министерства Восточных земель Армянского национального совета, а также стал заместителем редактора его печатного органа «Азат Айастан» («Свободная Армения»). Вместе с генералом Дро (Драстамат Канаян) он участвовал в агитации среди советских военнопленных армян, с целью набора добровольцев в Армянский легион. Кроме того, он оказался причастен к подготовке диверсантов из числа армян на территории Болгарии с целью их заброски в тыл Красной армии [17; 18, с. 32–33, 43–45, 51, 156–157; 16, с. 120–121]. В 1944 г. он был арестован сотрудниками СМЕРШ, а в 1948 г. после следствия и суда приговорен за контрреволюционную деятельность к 25 годам заключения. В 1955 г. скончался во Владимирской тюрьме.

На основе этой краткой биографии можно сделать вывод, что Гарегин Нжде действительно являлся неординарной личностью. Миф о нём в армянской коллективной, культурной памяти, судя по всему, довольно сложен и требует отдельного исследования. Однако уже сейчас можно выделить два главных образа Нжде, которые, слившись в один цельный, стали основой мифа о нём, как об одном из главных современных национальных героев Армении.

Первый – образ негибаемого, бескомпромиссного, глубоко нравственного борца с врагами независимой Армении сложился в период его политической деятельности в Закавказье в 1917–1921 гг. Контуры этого образа задал сам Нжде в автобиографии, написанной в 1944 г. в Болгарии: «Я всегда появлялся в моменты опасности, – писал он, – В мирное время я не стремился к должностям, поскольку не испытывал влечения к ним. ... Я следовал обету Мамиконянов, был человеком глубокой веры и нравственности, поэтому мне часто приходилось испивать из чаши горечи. В моем храме веры и поклонения Бог и Родина всегда были на первом месте» [15, с. 239].

Второй, образ философа и главного идеолога армянского национализма, сложился в 1922–1933 гг. в период деятельности Нжде в эмиграции. В своих работах в этот период он сформулировал своего рода философию или даже квазирелигию армянского национализма. Учение о «цегакронутюн» базировалось на идее поклонения «армянскому роду» – трудно определимой квинтэссенции армянского национального характера или менталитета. Культ «армянского рода» включал в себя: 1. Культ Родины – поклонение той земле, на которой естественно возник армянский род; 2. Культ крови – в чистоте крови, будущее армянского рода; 3. Культ языка – необходимо сохранять армянский язык; 4. Культ предков – надо поддерживать связь между поколениями для сохранения существующих ценностей и святынь рода; 5. Культ силы – поскольку мир уступает дорогу сильным; 6. Культ вождя – вождь предопределяет судьбу нации, которому она обязана своими взлетами и падениями [19, с. 138–140].

Несомненно, учение Нжде имело много общего с активно распространявшимися в то время в Европе крайними националистическими, фашистскими учениями.

Характерно, что сам Нжде это в полной мере осознавал. Приведем цитату из его сочинения: «“Чтобы жил класс, личность должна умереть”, – возвещает большевизм. “Умри, класс, чтобы жил народ”, – говорит гитлеризм. “Пусть умрут оба – и класс и личность, чтобы жила раса”, – говорит фашизм. Видите, это Германия, закаленная философией Вечности Гегеля, Фихте, Ницше, силится поднять на ноги свой Род. А армянин?» [16, с. 95]. Тем не менее, можно согласиться с тем, что, несмотря на провозглашение турок разрушителями и главными врагами армянского народа, в учении Нжде главной оставалась идея не агрессии и экспансии, а самозащиты и сохранения армянского народа [19, с. 138 – 140].

Формирование традиции почитания Гарегина Нжде

Учение Нжде, несмотря на включенные в него неоязыческие элементы, а также явную связь с европейскими фашистскими идеологическими течениями, было принято большей частью элиты армянской диаспоры. Образ воина-философа, пожертвовавшего свою жизнь ради блага армянского народа, прочно вошёл в пантеон армянских национальных героев. На это, прежде всего, указывают факты начавшегося во второй половине XX в. почитания Гарегина Нжде. Так в сентябре 1963 г. в бостонском клубе «Айреник» состоялось открытие его бюста, созданного в Бейруте скульптором Завеном Хтшяном. А в 1968 г. в Бейруте издательство «Амазгаин» выпустило посвященное Нжде объемное исследование [14, с. 21–22].

Начиная со второй половины 1980-х гг. культ Гарегина Нжде стал формироваться в самой Армении. В 1983 г. его останки были тайно переправлены из Владимира в Ереван. С 1990 г. учение Гарегина Нжде стало официальной идеологией Республиканской партии Армении, которая с 1999 г. постоянно участвовала в формировании правительств республики. В марте 1992 г. Нжде был оправдан прокуратурой Республики Армения. В этом же году в его честь переименовали в Ереване станцию метро и площадь. На следующий год в Армении были изданы его работа «Размышления», написанная им в годы заключения [14, с. 21–22]. В 2001 г. по инициативе премьер-министра Андраника Маргаряна на государственном уровне было торжественно отмечено 115-летие Гарегина Нжде. Специально к юбилею издали двухтомник его произведений. Заключительным актом создания культа Нжде в Армении можно считать установку ему 28 мая 2016 г. в Ереване в сквере на улице Республики памятника, на постаменте которого были высечены слова «Бог, Нация, Родина».

С учетом сложившегося в Армении благодаря деятельности Республиканской партии культа Гарегина Нжде можно было бы предположить, что появление памятной доски в Армавире также связано с деятельностью этой партии среди армянской диаспоры в России. Однако реальность оказалась сложнее. На вопросы о возможном участии в установке памятной доски официального Еревана местные армянские активисты однозначно ответили отрицательно³. В какой-то степени это подтверждалось более чем скромным видом самой памятной доски.

В итоге выяснилось, что главным инициатором установки в 2012 г. памятных досок Гарегину Нжде и Андранику Озаняну оказалась молодежная организация

3. ПМА. Интервью № 3 (20.10.2021, г. Краснодар), № 7 (22.10.2021, г. Краснодар)

армавирского отделения «Союза армян России»⁴. Отметим, что армянские активисты старшего поколения во время интервью неоднократно подчеркивали, что очень сложно заинтересовать и привлечь к общественной работе молодежь. Но фигура Гарегина Нжде, воина-философа, создавшего философско-политическое учение, должна была импонировать определенной части современной армянской молодежи. Фигура боевого генерала Андраника (Озаняна) также оказалась привлекательной для молодых активистов, выступивших с идеей установки памятных досок возле армянского храма. Отвергнуть инициативу молодежного крыла для руководства армавирского отделения «Союза армян России» очевидно оказалось невозможным.

Важно отметить, что доска Гарегину Нжде и Андранику Озаняну была установлена на территории армянского храма. Интересно, что один из наших армянских респондентов негативно высказался о самом факте установки памятных досок возле храма: «Не надо было эти доски ставить на территории храма. Вот какое отношение Нжде или Баграмян, Бабаджанян имеют к церкви?»⁵. Последнее замечание заставило задаться вопросом, почему именно на территории храма установили памятные доски?

Анализ полемики, развернувшейся в СМИ сразу после акции депутата Алексея Виноградова, показал, что армянская община г. Армавира считает территорию вокруг храма обладающей своего рода экстерриториальностью⁶. Другими словами, армянские активисты посчитали, что сооружение памятника возле храма является сугубо внутренним делом их общины. В то же время, по словам одного из армянских активистов, община просила разрешение у городской администрации, но не получила ответа, что было истолковано как согласие⁷. Можно предположить, что воспринятая армянскими активистами мысль, что огороженная территория вокруг храма не является частью общегородского символического пространства, укрепила их в намерении отстаивать свое право установки на ней памятников своим героям без особого на то разрешения.

Образы Гарегина Нжде в российской и армянской культурной памяти

Как правило, конфликты в сфере символической политики, в данном случае политики памяти, инициируются в тот момент, когда обнаруживается столкновение двух отрицающих друг друга вариантов коллективной, культурной памяти об одном и том же историческом событии или личности. Конфликт начинается, когда одна из сторон видит и понимает, что отрицаемая ею интерпретация исторического события или личности смогла получить символическое овеществленное подтверждение (публикация книги, выпуск фильмов, передач, установка памятника и многое др.).

Особенностью конфликта вокруг памятной доски Нжде в Армавире являлось то, что здесь речь шла о столкновении двух разных видов коллективной, культурной памяти. Используя понятия, введенные в научный оборот Алейдой Ассман, можно

4. Молодежный комитет армянской общины. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке: // <http://sararmavir.ru/content/molodeg-org.php>

5. ПМА. Интервью № 6 (22.10.2021, г. Краснодар).

6. Наира Багдасарян, В Армавире демонтировали памятную табличку Гарегину Нжде. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке: <https://oar.ru/novosti/vse-novosti/diaspora/v-armavire-demontirovali-pamyatnuyu-tablichku-garegina-nzhde>

7. ПМА. Интервью № 3 (20.10.2021, г. Краснодар).

сказать, что память о Гарегине Нжде в российском обществе относится к накопительной памяти, которая, как правило, содержит «ставшие непригодными, неупотребимыми и чуждыми» воспоминания о прошлом [8, с. 34]. Об этом говорит тот факт, что в современной России знание о нём весьма фрагментарно и обрывисто. На русском языке можно насчитать всего несколько работ и изданий, где бы освещалась жизнь и деятельность Нжде.

Его фигура не важна для российской культурной, функциональной памяти, в которой содержатся только актуализированные, значимые для поддержания государственной, национальной идентичности, исторические события и фигуры. Более того, память о нём не актуализирована ни в положительном, ни в отрицательном плане. Характерно, что до 2016 г. (когда в Ереване был установлен ему памятник) фигура Нжде даже ясно не просматривалась в зоне широко известных антигероев российской культурной памяти из числа коллаборационистов и пособников нацистов периода Великой Отечественной войны.

Не имея какого-либо значения для российской коллективной, культурной памяти, образ Гарегина Нжде игнорируется. Поэтому вполне понятен характер реакции российского общества на появление памятной доски, которая свелась только к требованию, чтобы Нжде снова ушёл в небытие культурной, накопительной памяти. Понятно также почему с одной стороны, российская общественность никак не отреагировала на призывы армянской стороны более тщательно изучить обстоятельства деятельности Нжде, а с другой, после демонтажа доски не стала активно продолжать конфликт.

Напротив, для армянской стороны образ Гарегина Нжде относится к типу функциональной, актуализированной культурной памяти, из которой нельзя без нанесения тяжкого психологического, морального ущерба коллективной идентичности выбросить ни одного события, ни одного героя. При этом для армянского общества важны только два положительных образа Гарегина Нжде – воина и философа, защищавшего интересы армянского народа и государства.

Что касается факта его сотрудничества с нацистами, то он для армянской культурной памяти не актуален, не имеет особого значения. Тем не менее, этот третий негативный образ Нжде все же содержится в армянской культурной памяти. При этом складывающийся во многом под влиянием российской культурной памяти амбивалентный образ Нжде подталкивает, по крайней мере, российских армян попробовать найти приемлемые с точки зрения логики и этики объяснения факта его сотрудничества с нацистами, чтобы снять возникшее противоречие (национальный герой и пособник нацистов одновременно).

В ходе интервью армянские активисты неоднократно артикулировали такие объяснения. «Хочу сказать, что мы не понимаем почему Нжде вызывает такую реакцию. – отметил один из активистов, – Он не был против русского народа, он боролся с советской властью. Он имел русские награды. Сражался за Россию в Первой мировой войне. ... Посмотрите, в царской России Гарегин Нжде это герой, в СССР это враг. Но Союз развалили. А какое отношение имеет современная Россия к Нжде? Что плохого он сделал для нее?»⁸. Таким образом, активист акцентирует внимание на том, что Нжде был врагом для советской власти, а не для России, а, следовательно, современное российское общество не может предъявлять ему какие-либо обвинения.

Что касается отношений Нжде с нацистами, то здесь, по мнению активистов, он заключил своего рода «делку с дьяволом» ради спасения армянского народа. В этом

8. ПМА. Интервью № 3 (20.10.2021. г. Краснодар)

случае Нжде уже воспринимается как своего рода жертва обстоятельств. Один из активистов прямо заявил: «Нжде действовал в конкретной ситуации. Он пытался донести до Гитлера мысль о том, что не надо нападать на Армению. Он пытался помочь армянским красноармейцам, попавшим в немецкий плен»⁹. Другой респондент в г. Краснодаре во время интервью заявил: «А что он такого сделал Нжде? Он же там написал одному из этих, фашистских руководителей, что армяне не семиты, что не надо их уничтожать. А потом пытался спасти пленных армян. Разве это преступление!? Его же не расстреляли! Даже в Армению привозили посмотреть, какая она стала»¹⁰.

Однако вышеприведенные объяснения противоречивости образа Нжде могли быть приняты только в рамках армянской культурной памяти, но не российской. Важно отметить, что конфликт в Армавире совпал по времени с пиком нарастающего с 2005 г. обострения отношений России с рядом государств Восточной Европы по вопросу сохранения памяти о ключевой роли Советского Союза и советских солдат в освобождении Европы от нацизма [20, с. 115–124]. В условиях взбудораженности российского общества фактами сноса памятников советским воинам в Польше, чествования ветеранов частей СС в прибалтийских государствах, установка памятной доски Гарегину Нжде не могла пройти незамеченной.

Один из активистов русского населения в Армавире отметил: «Сама доска появилась где-то в мае 2012 года. Сначала только две таблички – Нжде и Андраника, через некоторое время появились еще две, посвященные маршалам Баграмяну и Бабаджаняну. Доски установили по бокам хачкара. Этот хачкар установили раньше, в 2001 г., в связи с 1700-летием принятия Арменией христианства. Доска с Нжде, конечно, удивила всех. Начались обращения. Писали в администрацию, обращались в отделение «Союза армян России», но все безрезультатно. Как-то все это долго и вяло тянулось несколько лет»¹¹.

Особенности коллективной памяти российских армян

В ходе исследования перипетий символического конфликта в Армавире особое внимание обратил на себя факт установки армянскими активистами рядом с досками Нжде и Андраника еще нескольких досок, посвященных советским военачальникам¹². На первый взгляд это может выглядеть странным и противоречивым. Но такое смешение во многом объясняется тем, что коллективная, культурная память российских армян имеет характер амальгамы, поскольку содержит в себе как элементы армянской, так и российской культурной памяти, которые по смыслу не всегда бывают комплементарны друг другу.

Общим, самым главным для всех армян в мире является воспоминание о Геноциде 1915 г. В то же время непосредственно для населения Республики Армения, как показывают исследования последнего времени, стержневой парадигмой армянской истории является борьба армян за независимость. Исследуя современный армянский исторический нарратив, А. Искандарян пришел к следующему выводу:

9. ПМА. Интервью № 3 (20.10.2021. г. Краснодар)

10. ПМА. Интервью № 6 (22.10.2021, г. Краснодар)

11. ПМА. Интервью № 4 (21.10.2021. г. Армавир)

12. Там же.

«Вся армянская история, от глубокой древности до новейших времен, интерпретируется в ключе непрекращающейся борьбы армянского народа и/или государства за независимость. ... В массовом восприятии истории выделяется несколько узловых точек, которые воспринимаются как важнейшие. ... Скажем, чрезвычайно важным для армянского исторического нарратива становится, вообще говоря, очень нетипичный для армянской истории период правления Тиграна Великого в I веке до Р.Х. Точно так же и сюжет о Первой Республике 1918–1920 гг. выделяется как первый опыт независимого государства в XX в. и, соответственно, как узловой момент армянской истории» [21, с. 233–234].

С учетом вышесказанного, понятно, почему образ Гарегина Нжде, одного из главных героев Первой Армянской республики, имеет такое большое значение для армянской коллективной, культурной памяти. Проведенное относительно недавно краснодарскими социологами исследование показало, что Гарегина Нжде готовы были назвать «олицетворением армянского народа» в Армении 25%, а среди армянской диаспоры Краснодарского края 12% респондентов [22, с. 203–204].

Но у российских армян в их коллективной, культурной памяти такое же важное место занимает воспоминание о Великой Отечественной войне. Так на вопрос, как соприкасаются историческая память российских армян с общероссийской, один из активистов ответил: «Конечно главная точка соприкосновения, то, что нас объединяет со всеми народами России это Великая Отечественная война. Особенно здесь в Краснодарском крае. Мы помним солдат армянской 89-й стрелковой дивизии. Очень много армян здесь погибло, много пропало без вести, не найдено до сих пор. Мы ищем, восстанавливаем имена и судьбы»¹³.

Коллективная, культурная память российских армян опирается на три воспоминания, играющих роль несущих конструкций, – воспоминания о Геноциде 1915 г., Первой Армянской республике и Великой Отечественной войне. Два из этих центральных воспоминаний, имеющих статус главных мифов (о Геноциде и Первой Армянской республике), связывают российских армян в рамках общей армянской культурной памяти с населением Армении и другими армянскими диаспорами мира, а воспоминание о Великой Отечественной войне связывает их с российским обществом.

Поэтому для российских армян нет никакого противоречия в том, чтобы расположить рядом бюсты или памятные доски, посвященные, например, героям Первой Армянской республики и героям-армянам Великой Отечественной войны. В одном из интервью один из армянских активистов на вопрос, какие исторические личности являются ключевыми для российских армян, ответил: «Разные, разнообразные личности и герои. Подбор противоречив, конечно! Здесь и те, кто сражался в Великой Отечественной войне, наши генералы Баграмян, Бабаджанян. А есть герои, которые создали и сохранили нашу республику после Первой Мировой войны, кто защитил ее от турок в 1920 г., так сказать герои национально-освободительной борьбы. Как те, так и другие нам дороги и являются нашими героями»¹⁴.

Стратегии политики памяти армянских активистов

Однако в случае с памятной доской Нжде в г. Армавир, установка в скором времени рядом с ней таких же памятных досок советским маршалам, несомненно, являлась

13. ПМА. Интервью № 3 (20.10.2021. г. Краснодар)

14. ПМА. Интервью № 3 (20.10.2021. г. Краснодар)

реализацией армянскими активистами стратегии «символического камуфляжа». В ситуации, когда уже весной 2013 г. представители русского населения города стали требовать убрать памятную доску Гарегину Нжде, армянские активисты попытались символически закамouflировать (прикрыть) неудобный для российской культурной памяти образ Нжде образами советских военачальников.

Примером такого же «символического камуфляжа» является, например, установка в г. Краснодаре, возле здания «Национально-культурной автономии армян Кубани», в 2020 г. трех бюстов – генералу Андранику (А.Т. Озаняну), фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу и А.С. Грибоедову. На вопрос, не придется ли демонтировать мемориал из-за бюста генерала Андраника, как это было в Адлере в 2015 г., один из армянских активистов полушутливо ответил: «Нет, здесь ведь рядом с Андраником поставили Паскевича и Грибоедова. Тогда их тоже придётся сносить»¹⁵.

Тем не менее, примененная армянскими активистами стратегия не помогла разрешить тянувшийся уже несколько лет конфликт. Более того, в 2019 г. в условиях очередной мобилизации российской коллективной памяти о Великой Отечественной войне в канун 75-летия победы, конфликт обострился. Благодаря усилиям российских, а также особенно азербайджанских СМИ, образ Гарегина Нжде стал все более и более четко просматриваться в секторе антигероев – коллаборационистов и пособников нацистов в российской культурной памяти о войне. Поэтому закономерным итогом развития конфликта стала символическая акция по закраске памятной доски (своего рода, стирание образа Гарегина Нжде в символическом пространстве города), предпринятая депутатом Алексеем Виноградовым, которая, в свою очередь, подтолкнула городскую администрацию предъявить в ноябре 2019 г. армавирускому отделению «Союза армян России» требование, демонтировать памятную доску.

Очевидно, что для армянской общины г. Армавира крайне важно было выйти из конфликта, не потеряв лица. Прямое выполнение требования городской администрации по сносу памятной доски означало бы символическую капитуляцию, что было неприемлемо. Поэтому армянские активисты применили стратегию полного переформатирования мемориального пространства, где ранее были установлены памятные доски. По словам одного из активистов русского населения, это было неожиданно: «Армяне оградили доски и хачкар глухим забором, знаете, из гофрированного железа. Так это стояло несколько месяцев. Затем, когда сняли, то увидели, что доски убрали, а вместо них поставили еще два хачкара»¹⁶.

Со своей стороны, один из армянских активистов так описал эту ситуацию: «Вот когда доску закрасили, уже новое руководство нашего отделения приняло решение убрать все доски и поставить два хачкара. Один героям Великой Отечественной войны, а другой героям национально-освободительной борьбы. Чтобы там не было кого-то конкретное, чтобы всем поставить!»¹⁷. Таким образом, армянские активисты решили, с одной стороны, сохранить прежнее историческое событийное посвящение памятников, а с другой, отказаться от принципа персонального посвящения памятников в мемориальном пространстве вокруг храма, чтобы избежать новых конфликтов.

В отношении же непосредственно фигуры Гарегина Нжде в среде армянской диаспоры Краснодарского края, вероятно было принято негласное решение о необходимости воздержаться от тиражирования его образа в краевом публичном символическом пространстве. Один из армянских активистов в г. Краснодар, т

15. ПМА. Интервью № 6 (22.10. 2021. г. Краснодар)

16. ПМА. Интервью № 4 (21.10.2021. г. Армавир)

17. ПМА. Интервью № 3 (20.10.2021. г. Краснодар)

ак прокомментировал итоги конфликта в г. Армавир: «Нжде наш национальный герой. У нас в здании национально-культурной автономии висит его фотография на одном из этажей вместе с другими нашими героями. В других публичных местах мы не выставляем изображения с ним»¹⁸.

Заключение

Анализ конфликта, развернувшегося вокруг установки в 2012 г., а затем демонтажа в 2019 г. памятной доски, посвященной Гарегину Нжде в г. Армавир, позволил выявить некоторые особенности политики памяти, проводимой армянской диаспорой в России. Анализ причин конфликта показал, что он был вызван разным восприятием образа Гарегина Нжде в рамках с одной стороны российской культурной памяти, а с другой армянской. В ходе конфликта стороны применили разного рода стратегии символической политики памяти. Выход из конфликтной ситуации для русских активистов был найден в стратегии вытеснения образа Нжде из символического, мемориального пространства города, что проявилось в требовании демонтировать памятную доску. Армянские активисты г. Армавира попытались решить конфликт сначала за счет реализации стратегии «символического камуфляжа», а затем отказа от персонального посвящения установленных памятников, с сохранением прежнего исторического событийного посвящения. Проведенное исследование также позволило выделить некоторые структурные особенности коллективной, культурной памяти российских армян.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00494 на тему «Символическая политика постсоветских государств (Азербайджан, Армения, Грузия) на территории России: исторические нарративы, символы, коммеморации».

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project 20-011-00494 on the subject “Symbolic policy of post-Soviet states (Azerbaijan, Armenia, Georgia) on the territory of Russia: historical narratives, symbols, memorials”.

18. ПМА. Интервью № 7 (22.10.2021. г. Краснодар)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Семенов А., Минаева Э. Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х гг. // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 2. С. 189–204.
2. Малинова О.Ю. Символическая политика: Контуры проблемного поля // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. С. 5–16.
3. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики / Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. Тр. / Отв. Ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.-СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–53.
4. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в 21 веке / Под ред. А. Миллера, М.: Липман, 2002. С. 7–32.
5. Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент конструирования постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4 (69). С. 106–123
6. Ефремова В.Н. О некоторых теоретических особенностях исследования символической политики // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки; Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. М., 2015. Вып. 3: Политические функции мифов. С. 50–65.
7. Евгеньева Т.В. Место мифологических образов в восприятии политических явлений и процессов // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки; Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. М., 2015. Вып. 3: Политические функции мифов. С. 79–91.
8. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
9. Миллер А.И. Политические символы и историческая политика // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. С. 164–174.
10. Сергеев С.А., Сергеева З.Х. Поиски «гения места» Казани как региональный, ценностный и культурный конфликт // PolitBook. 2012. № 3. С. 60–72.
11. Чубукова Д.Г. Памятники российского Крыма: символическое закрепление полуострова в составе России // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2019. № 4. С. 95–116.
12. Прасолов Д.Н. Монументы и ритуалы в коммеморативных практиках в Кабардино-Балкарии // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сборник статей / под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. С. 65–80.
13. Урушадзе А.Т. А.П. Ермолов в мемориальном пространстве Юга России: конфликты исторических
1. Semenov A, Minaeva E. The cities of forking streets: trajectories of urban conflicts in Russia in the 2010s. *Journal of Social Policy Research*. 2021, 19(2): 189-204. (In Russ.)
2. Malinova OYu. Symbolic politics: Contours of the problem field. In: Malinova O.Yu. (ed.). *Symbolic politics: Collection of scientific papers. Issue 1: Constructing ideas about the past as a power resource*. Moscow, 2012: 5-16. (In Russ.)
3. Malinova OYu. Memory policy as a Symbolic policy area. In: Miller A.I., Efremenko D.V. (eds.). *Methodological issues of studying the politics of memory: collection of scientific papers*. Moscow, Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018: 27-53. (In Russ.)
4. Miller AI. Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the XXI century. In: Miller A., Lipman M. (eds.). *Historical politics in the 21st century*. Moscow, 2002: 7-32. (In Russ.)
5. Achkasov VA. "The politics of memory" as a tool for constructing post-socialist nations. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2013, 4(69): 106-123. (In Russ.)
6. Efremova VN. On some theoretical features of the study of symbolic politics. In: Malinova O.Yu. (ed.). *Symbolic politics: Collection of scientific papers. Issue 3: Political functions of myths*. Moscow, 2015: 50-65. (In Russ.)
7. Evgenieva TV. The place of mythological images in the perception of political phenomena and processes. In: Malinova O.Yu. (ed.). *Symbolic politics: Collection of scientific papers. Issue 3: Political functions of myths*. Moscow, 2015: 79-91. (In Russ.)
8. Assman A. *The Long Shadow of the Past: Memorial culture and Historical Politics*. Moscow: New Literary Review, 2014. (In Russ.)
9. Miller AI. Political symbols and historical politics. In: Malinova O.Yu. (ed.). *Symbolic politics: A collection of scientific papers. Issue 1: Constructing ideas about the past as a power resource*. Moscow, 2012: 164-174. (In Russ.)
10. Sergeev SA, Sergeeva ZH. The search for the "genius of the place" of Kazan as a regional, value and cultural conflict. *PolitBook*. 2012, 3: 60-72. (In Russ.)
11. Chubukova DG. Monuments of the Russian Crimea: symbolic consolidation of the peninsula as part of Russia. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Literary studies. Linguistics. Cultural studies*. 2019, 4: 95-116. (In Russ.)
12. Prasolov DN. Monuments and rituals in commemorative practices in Kabardino-Balkaria. In: Lapin V.V., Miller A.I. (eds.). *Symbolic aspects of memory politics in modern Russia and Eastern Europe: a collection of articles*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2021: 65-80. (In Russ.)
13. Urushadze AT. Ermolov in the memorial space of the South of Russia: Conflicts of historical interpretations. In: Lapin V.V., Miller A.I. (eds.). *Symbolic aspects of memory politics in modern Russia and Eastern Europe: a collection of articles*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2021: 164-176. (In Russ.)
14. Mushegh Lalayan. Garegin Nzhdeh (Biographical sketch). *Garegin Nzhdeh: Selected works*. Yerevan, 2012: 3-10. (In Russ.)

интерпретаций // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сборник статей / под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. С. 164–176.

14. *Мушег Лалаян*. Гарегин Нжде (Биографический очерк) // Гарегин Нжде: Избранное / Под общей редакцией Л. Казаряна. Составители: Э. Тадевосян, Л. Казарян. Ереван, 2012. С. 3–10.

15. Автобиография Г. Нжде // Овсепян В. Гарегин Нжде и КГБ. Воспоминания разведчика. Ереван: НОФ «Нораванк», 2007. С. 238–242.

16. *Гарегин Нжде*. Род наша опора: избранное / Сост. Руслан Арутюнян. Пер. с арм. Жанны Шахназарян. Ереван: Зангак, 2015. – 317 с.

17. *Абрамян Э.А.* Кавказская эмиграция в планах нацистского руководства Германии накануне войны против СССР // Вестник военного университета, 2007. № 2(10). С. 88–94.

18. *Абрамян Э.А.* Кавказцы в Абвере. М.: Издатель Быстров, 2006. – 352 с.

19. *Мелкумян Л.Е.* Гарегин Нжде и его учение об армянском роде между Востоком и Западом // Acta Orientalia Voronensia. Воронежское востоковедение: сборник статей / науч. Ред. М.В. Кирчанов. Воронеж: Факультет международных отношений; Центр восточных исследований, 2017. Вып. 2. С. 136–143.

20. *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О.Ю. Малинова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.

21. *Искандарян Александр*. Армения: удревление модерна // Национальные истории на постсоветском пространстве / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 225–243.

22. *Берберян А.С., Тучина О.Р.* Исследование национальной идентичности и исторического опыта личности в титульном армянском этносе и сопряженной армянской диаспоре в России // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 2. С. 190–214.

15. Autobiography of G. Nzhdeh. *Ovsepyan V. Garegin Nzhdeh and the KGB. Memories of an intelligence officer*. Yerevan: NOF “Noravank”, 2007: 238-242. (In Russ.)

16. Garegin Nzhdeh. *Kin is our support: selected works*. Yerevan: Zangak, 2015. (In Russ.)

17. Abramyan EA. Caucasian emigration in the plans of the Nazi leadership of Germany on the eve of the war against the USSR. *Bulletin of the Military University*. 2007, 2(10): 88-94. (In Russ.)

18. Abramyan EA. *Caucasians in the Abwehr*. Moscow: Bystrov Publ., 2006. (In Russ.)

19. Melkumian LE. Garegin Nzhdeh and his theory about the Armenian kin between Orient and Occident. Kyrchanoff M. (ed.). *Acta Orientalia Voronensia. Voronezh Oriental Studies: a collection of articles*. Voronezh: The faculty of international relations – The Centre for Oriental Studies. 2017;2: 136-143. (In Russ.)

20. Malinova OYu. The actual past: The Symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity. Moscow: Political Encyclopedia, 2015. (In Russ.)

21. Alexander Iskandaryan. Armenia: antiquating the modernity. In: Bomsdorf F., Bordyugov G. (eds.). *National histories in the post-Soviet space*. Moscow: Friedrich Naumann Foundation, AIRO-XXI, 2009: 225-243. (In Russ.)

22. Berberyan AS, Tuchina OR. The study of national identity and historical experience of the individual in the titular Armenian ethnic group and the associated Armenian Diaspora in Russia. *Russian Psychological Journal*. 2018, 15(2): 190-214. (In Russ.)

Поступила в редакцию 13.09.2022

Принята в печать 26.10.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 13.09.2022

Accepted 26.10.2022

Published 25.12.2022